УДК 101

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-115-124

Елена Андреевна Тимошук,*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России**(г. Владимир, Россия),**e-mail: e@timos.elcom.ru***Феноменологическая модель познания**

Актуальность статьи обусловлена продолжающимся кризисом гуманитарного знания. Объект познания усложняется, методология становится более комплексной, однако при этом сущность человека и мира остаётся всё такой же неуловимой, как достижение черепахи Ахиллесом в апории Зенона. Цель работы – представить феноменологию как адекватный объективный метод познания человека, общества и культуры. Автором произведён критический анализ логических и онтических проблем познания, предложена феноменологическая процедура их решения. Рассмотрен инструментарий феноменологии как модель описания социокультурных аспектов достоверности. Отмечена связь предмета с онтической процессуальностью и модальностью бытия. Особый интерес представляют: 1) решение проблемы пустых понятий в феноменологии Ингардена; 2) многослойность онтогносеологического; 3) intersubjectivity как эпистемический фактор. На данном этапе назрела необходимость разработки региональной феноменологии социокультурных объектов, прежде всего, для интерпретации права, религии, искусства, образования, а также охраны культурного наследия. Разработка феноменологической системы анализа общества приобретает свою актуальность, в то время как бинарные, дихотомические подходы утратили свою продуктивность в поликультурной, диалогической социокультурной реальности. Социокультурная феноменология тесно связана с другими стратегиями описания общества: герменевтикой (контекстуальность, многослойность), экзистенциализмом (жизненный мир, диалогизм), синергетикой (конститутивность). Это реалистическое направление, которому свойственны антипсихологизм, антисубъективизм, рассмотрение мира без вмешательства или диктата какой-либо научной теории или системы, учёт многообразия предметных сущностей.

Ключевые слова: феноменология, Гуссерль, Ингарден, жизненный мир, intersubjectivity, модальность

Elena A. Timoschuk,*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia**(Vladimir, Russia),**e-mail: e@timos.elcom.ru***Phenomenological Model of Cognition**

The relevance of the paper is conditioned by the continuing crisis of humanities. The object of cognition becomes more complex, so does the methodology, whereas the essence of man and the world eludes us in the same manner a fleet-footed Achilles cannot reach slow-moving tortoise in Zeno paradox. The purpose of the work is to present phenomenology as an adequate objective method of cognition of man, society and culture. Results of the research are the following: a critical analysis of the logical and ontic problems of cognition was carried out, a phenomenological procedure for solving them was proposed. The paper examines instruments of phenomenology as the model for describing the sociocultural socio-cultural aspects of authenticity. The object is considered in connection with the process and modal nature of being. The following aspects are of particular interest: 1) the solution of the problem of empty concepts in Ingarden's phenomenology; 2) the multi-layer of onto-epistemological; 3) intersubjectivity as an epistemic factor. At this stage, there is a need to develop a regional phenomenology of socio-cultural objects, primarily for the interpretation of law, religion, art, education, and the protection of cultural heritage. The development of a phenomenological system for the analysis of society sustains its relevance, while binary, dichotomous approaches become counterproductive in a multicultural, dialogic sociocultural reality. Sociocultural phenomenology is closely connected with other strategies for describing society: hermeneutics (contextuality, multilayeredness), existentialism (vital world, dialogism), synergetics (constitutiveness). This is a realistic direction, which is characterized by antipsychology, anti-subjectivity, cognition of the world without intervention or dictation of any scientific theory or system, consideration of the diversity of subject entities.

Keywords: phenomenology, Husserl, Ingarden, life-world, intersubjectivity, modality

Введение. Вера, познание, очевидность выступают объектом познания, как аналитической философии, так и феноменологии [3],

которой совершенно не чужд язык тезисов, фактов и аргументов логического атомизма [9]. Простые протокольные дискретные вы-

© Тимошук Е. А., 2019

сказывания – это верный метод, который многому научил всех философов. Различие между двумя направлениями заключается в том, что феноменология не приемлет отрицание онтологии/метафизики как лингвистического «трэша». Эта статья ставит своей целью продемонстрировать, что феноменологическая методология может быть продуктивной для решения вопросов этики веры. Диалог между различными философскими системами – это веяние времени.

В современной цивилизации риска существует практическая потребность оценки вероятности возможности развития деструктивных процессов. Вопросы безопасности, выбора, приоритета, принятия решений, случайности, неопределённости, рефлексивности постоянно находятся в системе интеллектуальных координат общества *modernity*.

Вопрос о моральности верить во что-либо без достаточных на то оснований является практическим. Оценками рисков занимаются страховщики, финансисты, юристы, инженеры, врачи. В разных профессиях есть свои методы оценки вероятности наступления неблагоприятного исхода малообоснованной веры, и они по-своему эффективны: математические и экспериментальные, аналитические и моделирующие, количественные и качественные, факторные и экспертные, традиционные и статистические. Дисциплина «Риск-менеджмент» здесь более успешна, чем «Философия». Последняя передала свою абстрагирующую функцию конкретным дисциплинам, которые её успешно реализуют на определённом материале финансовых рынков, поставщиков услуг, контрактов, производства, инвестирования, лизинга, страхования и т. п.

Методология и методы исследования. Статья характеризует инструментарий феноменологии как модель описания социокультурной динамики и её отражения в понятийном аппарате. Предмет рассматривается в связи с онтической процессуальностью и многослойностью бытия. Особый интерес представляют: 1) модификации смысловой деятельности; 2) спайка интерсубъективности; 3) интенциональный коллективный труд жизненных миров и их реификация. Социальная феноменология исходит из того, что множество трансцендентальных субъектов конституируют мир культуры, конструируя его и концептуализируя.

Результаты исследования и их обсуждение. *Пустые понятия и феноменология.* Гораздо более важная проблема,

поставленная этикой веры, – это насколько эпистемически рациональны сфера знаний, представлений и мнений. В этой же области находится одна из фундаментальных проблем аналитической философии – проблема пустых понятий. Рассматривая учебники в исторической перспективе, можно увидеть, что в советских пособиях эта проблема не рассматривается, в более поздних появляются, помимо пустых, единичных, общих – неопределённые понятия. Отдельные авторы затрагивают проблему абстрагирования и гипостазирования на примере пустых понятий.

В классическом учебнике по формальной логике читаем: «Пустыми называются понятия, которым не соответствует ни один предмет в объективном мире... “теплород”, “вечный двигатель”, “кентавр”, “человек, пробежавший 100 км в минуту”... Непустыми являются понятия, соответствующие каким-либо предметам действительности... “планета”, “растение”, “идеология”, “теория”»¹.

В. И. Кириллов, А. А. Старченко различают универсальный, единичный класс и нулевой (пустой) классы. Число элементов последнего равно нулю, и его примерами называются «вечный двигатель», «круглый квадрат», «русалка», «леший»².

Н. А. Черняк следует привычной дихотомии: «Класс, который не содержит ни одного элемента, т. е. в объёме которого мыслятся несуществующие предметы, называется пустым, или нулевым. Например, “вечный двигатель”, “русалка”»³.

Несколько более пространную интерпретацию проблемы даёт В. И. Кобзарь: «Пустые (нулевые) понятия – это понятия, объёмы которых отражают пустые предметные области, им не соответствуют никакие реальные объекты; их предметная область равна нулю. Это понятия, являющиеся результатом относительно самостоятельной абстрагирующей деятельности человеческого сознания, отражающие идеальные, идеализированные объекты, наделённые предельными свойствами (“абсолютно чёрное тело”, “несжимаемая жидкость”, “идеальный газ” и т. д.). Понятия о сказочных или фантастических, мифологических объектах тоже являются пустыми понятиями (“сирена”, “русалка”, “конёк-горбунок”,

¹ Формальная логика / под ред. И. Я. Чупахина, И. Н. Бродского – Л.: ЛГУ, 1977. – С. 34.

² Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов. – М.: Юристъ, 2001. – С. 35.

³ Черняк Н. А. Логика: учеб. пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – С. 12.

“минотавр” и т. д.)»¹. Автор делает очень смелое радикальное заявление, т. к. практически весь непредметный мир, включая законы, принципы, понятия, попадает в тот же класс, что и ангелы, Бог, душа с одной стороны, с другой – чупакабра, медуза Горгона и Евгений Онегин.

О. А. Солодухин использует термин «неопределённые понятия» для тех, относительно объёма которых невозможно ответить однозначно, являются ли они единичными, общими или пустыми («внеземная цивилизация», «корни для уравнивания теоремы Ферма»), в то время как пустыми он называет понятия, объём которых не содержит ни одного элемента («круглый квадрат», «число, делящееся на 0», «король современной Франции»)².

Этой же логике следуют Л. В. Гомбоева и А. В. Кузьмин: «Пустые понятия – это понятия, объём которых является пустым множеством, т. е. не содержит ни одного предмета из универсума рассуждения (“водяной”, “кандидат театральные наук”); неопределённые понятия – это понятия, объём которых не установлен (“инопланетянин”)»³.

И. В. Демидов предлагает отличать от нулевых понятия, которые отражают предметы, реально не существующие в настоящее время, но существовавшие в прошлом или существование которых возможно в будущем («Демокрит», «термоядерная станция»)⁴.

Некоторые авторы избегают темы пустых понятий, видимо, чтобы не представлять сложную проблему поверхностно в учебнике для студентов. Так, профессор А. Д. Гетманова, видимо, из прагматического замысла в своих новых учебниках исключила вопрос о пустых понятиях и переходит сразу к практическим аспектам, таким как отношения между понятиями, дефиниция, классификация. В академическом учебнике по логике для средней школы С. Н. Виноградова (1947 г.) классификация понятий на пустые и непустые отсутствует, возможно, по идеологическим соображениям⁵. Специалист по логике оценок А. А. Ивин также не включил вопрос о пустых понятиях в свой учебник⁶.

¹ Кобзарь В. И. Логика: учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 55.

² Солодухин О. А. Логика. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – С. 40.

³ Гомбоева Л. В., Кузьмин А. В. Задачи по логике: учеб. пособие. – Улан-Удэ: ВСГТУ, 2004. – С. 60.

⁴ Демидов И. В. Логика. – М.: Дашков и Ко, 2008. – С. 63.

⁵ Виноградов С. Н. Учебник логики для средней школы. – М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. – 112 с.

⁶ Ивин А. А. Логика. – М.: Оникс: Мир и образование, 2008. – 336 с.

Другие авторы, напротив, в пособия помещают философские размышления на заданную тему. Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярёв подробно рассматривают проблему пустых понятий. Они делят понятия на пустые и непустые, а последние, в свою очередь, – на единичные и общие. Приводя примеры пустых понятий, авторы классифицируют их на: 1) логически пустые, с противоречивыми характеристиками («вещество, одновременно кристаллическое и некристаллическое»); 2) фактически пустые, предметы с невозможными качествами («ворон белого цвета», «атом как неделимая единица», «неупругая жидкость», «вечный двигатель», «неэлектропроводный металл»); 3) предполагаемые явления и процессы («жизнь на кремниевой основе», «антиатомы»)⁷. Очень хорошо, что преподаватели разбирают сложности пустых понятий, однако все приведённые примеры – это понятия, которые противоречат себе, классу, либо известным законам.

Далее они разбирают трудности с классификацией обобщающих понятий «вода», «водород», «любовь», «бытие» – и ставят вопрос, когда возможна индивидуализация мыслимых в понятии объектов. Если элементами объёма считать отдельные случаи («романтическая любовь», «общественное бытие», «талант Пушкина»), то данные «абстрактные» понятия могут быть общими⁸.

Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярёв поднимают также близкий вопрос о соотношении абстрактных и конкретных понятий. Абстрактными объектами они называют создания мысли, идеальные предметы, свойства, взятые отдельно от предметов («числа», «фигуры», «движение», «параллели», «меридианы», «векторы»). Проводя различие между конкретным («геометрическая фигура») и абстрактным («площадь геометрической фигуры»), авторы признают, что «различение весьма неопределённо и отдельные свойства, и отношения предметов в свою очередь представляют собой какую-то систему свойств более высокого порядка... граница не является вполне чёткой... различение видов тех или иных предметов в той или иной степени условно и неопределённо»⁹.

Проблематизируют тему пустых понятий В. А. Бочаров и В. И. Маркин. Они указывают на транзитивность некоторых пустых понятий. «Человек, побывавший на Марсе», может поменять свой статус в будущем. Ста-

⁷ Войшвилло Е. К., Дегтярёв М. Г. Логика. – М.: Владос-пресс, 2001. – С. 202.

⁸ Там же. – С. 203.

⁹ Там же. – С. 206.

тус многих понятий не определен в науке: «нечётное совершенное число», «элементарная частица со скоростью выше скорости света»¹. Понятие «эфир» несколько раз меняло свой статус в науке из пустого в непустое и даже сейчас его положение зависит от того, какой концепции пространства следует учёный, релятивистской или субстанциональной. Можно ли по аналогии продолжить, что понятие «Бог» является пустым или непустым в зависимости от убеждений мыслителя?

Понятия могут быть пустыми из-за неосуществления историей некоторых возможностей, например «клад древних монет, найденный А. С. Пушкиным». С этой точки зрения, некоторые понятия будут неопределённо пустые, если мы не знаем, имело ли место событие или нет, например: «матерное слово на английском языке, сказанное Дантесом Пушкину». Возникает неясность, как быть с идеальными гносеологическими образами, обобщающими высшие ценности – добро, красота, любовь. Фактически мы выходим на проблему общих понятий, а в нашем случае – их логико-феноменологическую репрезентацию.

Профессор логики в МГУ Ю. В. Ивлев подходит ответственно к теме пустых понятий, рассматривает проблему генетически, с точки зрения источника образования этих понятий. Пустотность таких понятий есть результат разных процессов: 1) при образовании сложных понятий в математике («Множество целых чисел, которые при умножении друг на друга дают дробное число»); 2) фактически противоречивые понятия, которые на момент их образования таковыми не казались («теплород»); 3) понятия, которые сразу были противоречивыми имеющемуся знанию, но необходимы для теории («идеальный газ», «абсолютно чёрное тело»)².

Предварительные выводы: 1) стратегия обобщения и абстрагирования неизбежно приводит к идеальному миру «пустых» понятий; 2) мы не можем отказаться от общих понятий, это часть логики развития цивилизации; 3) «пустые» понятия образуются через разные стратегии, необходима теория их различения, чтобы отличать научные категории от гипостазирования и недоразумений. Социокультурная феноменология (Р. Ингарден, А. Шюц, Т. Лукман, П. Бергер) предлагает такую модель. Рассмотрим, как возникла теория, объясняющая природу сущностей, созданных разумом.

¹ Бочаров В. А., Маркин В. И. Основы логики. – М.: Космополис, 1994. – С. 174.

² Ивлев Ю. В. Логика для юристов. – М.: Юридический колледж МГУ, 1996. – С. 125–126.

Многослойность объектов бытия и познания. Ингарден решает проблему эпистемической обоснованности через учение об онтической многослойности [10]. Здесь мы становимся свидетелями спайки познания и бытия в одну социо-онто-гносеологическую парадигму. Вопрос о достаточности оснований познания нельзя решить без определения статуса объекта [15].

Онтология есть чистая философия, посредством которой мы открываем и устанавливаем необходимые связи между идеальными качествами благодаря интуитивному анализу содержания идей. Онтология Ингардена ставит вопрос не о наличном существовании, а о возможном существовании, а также о необходимых условиях существования различных объектов: абсолютно твёрдое тело, число Π , первый человек, конституция, цивилизация на земле через 100 тысяч лет и т. п. [10].

Учение о многослойности социокультурных объектов является продолжением феноменологической редукции (вынесением за скобки опосредованных суждений) и выдвижением непосредственной связи между предметом и сознанием.

Метафизический аспект Декарта – Канта – Гуссерля трансцендентального «Я» у Ингардена раскрывается благодаря категориям интенциональности, интерсубъективности и жизненного мира. Чистое «Я» используется лишь как точка сборки, отправной момент для социокультурного покрытия. Социокультурная феноменология исходит из того, что множество трансцендентальных субъектов создают мир культуры, а проблема Другого – это проблема нашей работы, прежде всего, с социокультурными стратегиями (образование, экономика, развитие регионов, спорт, художественная культура, армия и т. д.). Другой – это закрытый жизненный мир со своими целями, ценностями, истинами. Обрастая жизненным миром, трансцендентальное эго становится обусловленным эго, и примирить его с иными жизненными мирами – задача образования с его идеей плюральности мира. Контакт между разными жизненными мирами осуществляется через вчувствование, описание значений иной культуры. Поэтому переход от формальной логики и онтологии в теорию культуры и эстетику является вполне закономерным. Ингарден лишь продолжает усилия Гуссерля [2; 14].

Различие интерсубъективных горизонтов, напротив, делает невозможным осмысленную личностную коммуникацию и транс-

ляцию ценностей. Н. Т. Абрамова анализирует рассогласованность жизненных миров отца и сына Честерфильдов. Первый жил отдельно и писал сыну назидательные письма, однако отстранённость жизненного мира второго сделала нравственные послания отца коммуникативно пустыми [1].

Игнорировать смысловые структуры *Lebenswelt* в социогуманитарном познании, как это делает, например, материализм, по меньшей мере, наивно. Утверждать, что эмпирическое ненаблюдение смыслового объекта (душа, сознание, Бог, свобода, совесть, конституция и т. д.) означает его несуществование, будет некорректно. С позиции социокультурной феноменологии, смысловые объекты относятся к другому классу существования объектов, сохраняя при этом возможность воздействовать на индивидуальное и общественное поведение.

Исследуя возможные отношения между сознанием и миром, Ингарден выделяет три вида онтологии: материальную, формальную и экзистенциальную. Первой будут соответствовать такие понятия, как «электрический ток», «растение», «животное»; второй – «треугольник», «линия», «точка», «число»; третьей – «ценность», «матрилокальность», «популярность» [16].

Экзистенция Ингардена не является ни признаком, ни сущностью, ни формой объекта. Экзистенция – это всегда бытие чего-либо; то, что существует в определённой модальности. Модальное существование определяется принадлежностью вещи. Модусы бытия состоят из экзистенциальных дуальностей: раздельность – нераздельность, автономия – гетерономия, единство – различие и др.

Деривация – это возникновение существования, а контингентность – его продолжение, причём в разных вариациях, ведь последнее означает вариативность будущего. Существование будет, но каким оно будет, мы не знаем. Гетерономия – это полностью интенциональное существование (литературное произведение, закон, расписание) [2, с. 8].

Когда мы называем понятия «водород», «теплород», «эфир», «русалка», «инопланетянин», «Евгений Онегин», «равенство», то пользуемся одним языком, забывая при этом различать их экзистенциальные модусы. Споры возникают из-за того, что мы смешиваем разные модусы высказывания: «корабль – это мачтовое судно с полным парусным вооружением»; «если бы мы создали комиссию для проверки пригодности корабля, он бы не затонул».

Аристотель во второй главе «Риторики», обсуждая её предмет, как раз поручает ей заниматься исследованием вероятного. В этом смысле она свободнее, чем формальная логика, которая не может вынести заключение по поводу понятий и суждений, зависящих от модуса возможного существования.

Контингентные высказывания не дают объективного знания, а лишь субъективное мнение, валидность которого зависит от нескольких факторов: 1) нравственная квалификация говорящего; 2) наличие теоретических знаний и опыта в предмете высказывания; 3) опора на рассудок; 4) отсутствие конфликта интересов. Последний фактор особенно интересен в свете охватившей современность тренда на контингентность мира: синергетика (самоорганизация будущего нелинейна, коридор вероятности выстраивается самыми незаметными акторами), коммуникативистика (медиа есть послание), трансерфинг реальности (визуализация будущего способствует достижению цели).

Бесконечные модусы существования Ингардена разворачиваются в четырёх основных сферах бытия: 1) абсолютное (стационарное); 2) идеальное (вне времени); 3) реальное (физическое); 4) чисто интенциональное [7].

Ингарден считает, что данный нам в ощущения мир относится к реальному бытию, а не к чисто интенциональному, порождённому трансцендентальным эго, как полагает Гуссерль.

В реальном (темпоральном) модусе бытия Ингарден выделяет несколько под-модусов или разновидностей, которые находятся в отношении дополнения друг к другу, как, например, яркость и глубина краски. Прошное, настоящее, будущее – это временные фазы бытия. Вещь не может быть одной и той же в разных временных фазах, однако между разными временными состояниями вещи есть взаимосвязь. Более того, Р. Ингарден полагает, что прошлое, настоящее и будущее существуют в одном модусе [10].

Другой разновидностью бытия выступают объекты, процессы, события [11, с. 102]. Ингарден проводит дистинкцию между событиями и процессами, выделяя их в отдельные под-модусы. Этим он отличается от другого модального реалиста, Д. К. Льюиса, доказывающего множественность миров с помощью модусов бытия [12]. Льюис обходится онтологической оппозицией «длительность (объекты) – постоянство (процессы)». Однако и объекты, и процессы имеют протяжённость

во времени, онтология Ингардена выделяет такие феномены, которые отличаются точностью временных рамок (события).

Умножение фаз «прошлого, настоящего и будущего» на под-модусы «объекты, процессы, события» даёт бесконечное разнообразие темпорального бытия. В интенциональном бытии, а также в фазе будущего под-модус объекта не существует, так как его экзистенциальность входит в противоречие с гетерономией будущего. [5].

Наиболее сильный эффект присутствия создают темпоральные объекты в фазе настоящего. Человека Ингарден рассматривает как объект с динамичной, длительной идентичностью, имеющий слоистую структуру сознания и несколько подсистем [10, с. 84–100].

Вещь может существовать в нескольких модусах попеременно, причём как потенциально, так и актуально. Модусы есть экзистенциальные моменты существования сфер бытия.

Таким образом, класс пустых понятий, с точки зрения онтологии Р. Ингардена, является весьма разнообразным. Сюда попадают чисто интенциональные объекты – «русалка», «медуза Горгона», «Евгений Онегин»; идеальные объекты – «несжимаемая жидкость», «идеальный газ»; абсолютные-возможно-интенциональные – «Яхве», «архангел», «Иблис». Некоторые пустые понятия образованы путём смешения ассерторической и алетической модальности – «жизнь на кремниевой основе», «внеземная цивилизация». Отдельную сложность представляют гетерономные и контингентные понятия, такие как «вечный двигатель», «круглый квадрат». Они не являются экзистенциально не зависимыми и оригинальными. Их основа – это экзистенциально автономные понятия, отражающие реальное («двигатель») или идеальное («квадрат») бытие. При добавлении гетерономных свойств образуются понятийные кентавры, вносящие сумятицу в познание. Одновременно с этим остаётся ещё проблема общих понятий и уровня абстракции, которая также усложняет ситуацию.

Субъектно-предикатный модус коммуникации подсознательно подталкивает нас к тому, чтобы считать все понятия существующими. Вместе с тем, существование пустых понятий – это одна из тупиковых ситуаций формальной логики, когда окончательных и общепризнанных способов преодоления этих парадоксов не найдено. Подход Ингардена важен для темы понимания статуса пустых понятий, потому что он ставит себе задание

обнаружить вещи как они есть, оставляя в стороне репрезентативную и эпистемологические стороны.

Ингарден отвергает идею Гуссерля о мире как о порождении сознания и выделяет для сравнительного анализа предметы, состояния, отношения, идеи, воображаемые объекты. Это делает феноменологию Ингардена более конкретной и реалистичной, наделяет её множественностью и субстантивностью.

Бытийный статус у Ингардена имеют индивидуальные предметы, идеи, идеальные качества. Отдельно он рассматривает составные объекты, например, технические устройства, состоящие из множества деталей. Онтические составляющие не смогли бы существовать сами по себе. Бытие индивидуальных предметов наиболее отчётливо: они непосредственны, обособлены, автономны, темпоральны. Статус понятия «памятник Петру I “Медный Всадник”» на Сенатской площади Санкт-Петербурга весьма ясен. Это индивидуальный предмет, конкретный, имеющий автономное существование во времени и пространстве как физический объект. Как быть с понятием «масса Гром-камня под памятником “Медный всадник”»? Понятие «масса» в принципе является исторической единицей механики, это мера, наряду с числом, линией, точкой. Это понятие есть скалярная абстракция для определения инерционных и гравитационных свойств. Будучи свойством, масса зависима от тела и поэтому не индивидуальна. Однако есть утверждения, что «масса Гром-камня составляет порядка 1500 тонн», т.е. этот конкретный монолит, найденный в окрестностях деревни Конная Лахта казённым крестьянином С. Г. Вишняковым, имеет определённую массу, масса пьедестала «Медного всадника» становится понятием с индивидуальным свойством, а «масса вообще» или «средняя масса» выступает уже универсалией.

Нужно различать онтическую формальную структуру вещи, её скелет и интенциональную. Так мы возвращаемся к кантовскому разделению структурой вещи-в-себе и субъектно-предикативной вещи-для-нас. Только здесь *ding-an-sich* – это не самостоятельный предмет без наблюдателя, который, как настаивает основатель спекулятивного реализма К. Мейясу в своей книге «После конечности: эссе о необходимости контингентности», не может существовать в отсутствие свидетеля. *Thing-in-itself* – это собственно «чтойность» (*tò tí ᾗv εἶναι*, quiddity), суще-

ностные свойства предмета, без которых он не мыслится. Например, у понятия «банковская карта» есть одно родовое (платёжный инструмент безналичного расчёта) и два видовых качества (выполненный в пластике по международным стандартам ISO и имеющий микрочип). Иные её атрибуты относятся к несущественным свойствам, т. е. не определяющим её сущность. Она может быть дебетовая и кредитная, локальная и международная, предоплаченная и нет, овердрафтная и нет, с лимитом и без, иметь статус стандарт, gold или платинум, соединённая с одним счётном или несколькими, имеющая бесконтактную микросхемную карту или нет, виртуальная и с материальным носителем.

Разделение на вещь-для-нас и вещь-в-себе – это умозрительный акт, который представляет нам посмотреть на объект до нашего непосредственного восприятия. Это феноменологическая функция подходит и к пустым понятиям, когда мы пытаемся ретроспективно выяснить онтологический статус понятию «вечный двигатель», «жизнь на кремниевой основе», «несжимаемая жидкость», «идеальный газ», «круглый квадрат», «русалка», «медуза Горгона», «Евгений Онегин», «клад древних монет, найденный А. С. Пушкиным», «внеземная цивилизация», «корни для уравнения теоремы Ферма», «вода», «водород», «любовь», «бытие», «число», «фигура», «движение» и т. п.

Пустые понятия – композиты, они состоят из разных онтических частей. Так, «выступление команды КВН перед И. В. Сталиным» является пустым, но состоящим из разнородных элементов, имеющих правдоподобный статус: «И. В. Сталин», «команда КВН». Неправдоподобный статус понятие приобретает, когда мы соединяем элементы, не имевшие в истории онтических взаимодействий. Однако для того, чтобы распознать это, необходимо обладать знаниями. Сегодня, в эпоху дилетантизма, вполне привычными стали пассажи про «древнерусских витязей, которые маршировали по плацу» или про «боярыню, закусившую маринованным огурчиком». Подобные исторические ляпы не всегда распознаются неискушённой аудиторией.

Заслуга Ингардена в том, что он отделил идеальные объекты от интенциональных. Идеи не связаны временной зависимостью, в отличие от индивидуальных предметов. Интенциональные же, особого рода, они, как и идеи, существуют дольше самих вещей, но являются социокультурно обусловленными. Так, опера А. П. Бородина «Князь Игорь» в

изначальном варианте существует в архиве, и если специалисты вспомнят про это, поднимут её, то она может снова зазвучать, без редакции других композиторов. Однако, если это не произойдёт, то интенциональный объект может быть забыт и утрачен. В отличие от него идеальный объект, как например, теорема Пифагора, была воспроизведена в разных древних цивилизациях, как это было в Египте, Вавилоне, Китае. Свойства числа и фигур являются автономными, в отличие от интенциональных объектов, которые производны от коллективного сознания.

Все качества пустого предмета имеют такую же сущность, как и сам предмет. Масса марсианского динозавра – такое же пустое понятие, как и сам динозавр. Подлинно экзистенциально независимые объекты – это геометрические, числовые соотношения, абстракции.

Выводы. Феноменологически мы не можем снять противоречия, их можно только описать как неустранимое множество, сущность диалектического мира. Пустые понятия в логике при феноменологическом разборе их сущности оказываются очень разнородным классом объектов. Для формальной логики достаточно их объединить в одну группу. С точки зрения феноменологии, здесь имеет место смешение гетерогенных дериваций: интенциональной, идеальной, абстрактной, фидеистической, смешанной. Они есть результат консенсуса в разных областях общественной практики. Так, в науке используются следующие пустые понятия:

1) абстрактные объекты в математике и геометрии: «линия», «точка», «число», «луч», «отрезок», «фигура», «треугольник»;

2) философские абстракции: «бытие», «архэ», «бесконечность», «субстрат», «материя», «прекрасное», «истина», «апейрон», «дао», «дхарма», «нус»;

3) идеализированные понятия, модели, фиксирующие предельные свойства объекта в разных областях знания: «материальная точка», «абсолютно черное тело», «абсолютно твердое тело», «несжимаемая жидкость», «идеальный газ», «идеальный раствор» и т. п.;

4) гипотетические понятия: «квантовый вакуум», «тёмная материя», «суперсимметрия», «тахион»;

5) понятия, фиксирующие проблемные, дискуссионные, проектные области научного познания: «нечётное совершенное число», «холодный ядерный синтез», «станция на Марсе»;

6) выведенные из практики понятия, научные «архаизмы»: «плоская Земля», «теплород», «эфир», «гравитон», «планета Плутон».

Границы между группами 4, 5 и 6 не являются чёткими, понятия могут утрачивать свой статус и возвращаться в новой парадигме, как это было с понятием «эфир». Понятие «атом» для Демокрита означало предел деления, сегодня – это квантово-механическая единица,

Казалось бы, зачем в самой строгой модели познания гипостазировать своего рода фиктивные, несуществующие и нереализуемые в реальности объекты в качестве предмета научного исследования? Такого рода обобщения предельных случаев определённых реальных объектов нужны для построения теорий, что есть высшее научное отражение закономерностей природы, общества, сознания, техники. Это обстоятельство и есть критерий, который отличает указанные понятия от конструкций псевдонауки: «психотронное оружие», «торсионное поле», «уфология», «вечный двигатель».

Есть большой класс пустых понятий, которые представляют собой интенциональные объекты из области народного и авторского творчества:

1) объекты деревенского и современного городского фольклора (Колобок, домовая, чупакабра и т. д.);

2) герои сказок (Дед Мороз, Снегурочка, Снеговик и т. п.);

3) игровые персонажи (органианин, катджит, орк);

4) персонажи мультфильмов (Чебурашка, Печкин, Грю);

5) литературные герои (Онегин, Обломов, Базаров);

6) умозрительные объекты конспирологии, альтернативной истории, уфологии («Атлантида», «инопланетяне», «рептилоиды» и т. д.).

7) придуманные противоречивые конструкции, оксюмороны («ворон белого цвета», «первый президент Древней Руси», «смартфон Н. С. Хрущёва»).

В данной группе границы также условны. Популярный персонаж может становиться торговой маркой и через это будет единственным, если мы говорим о брендах (турфирма «Синдбад», фитнес-центр «Илья Муромец»).

В отдельных случаях понятие имеет разный смысл и в зависимости от употребления может быть как единственным (художественный фильм «Седьмой континент»; одноимённая розничная сеть; реальный 7-й континент,

если делить Евразию на два объекта) и пустым (гипотетический затонувший континент в районе между Новой Зеландией и Новой Каледонией; мифологическая Атлантида).

Целый класс спорных пустых понятий расположен в границах фидеизма:

1) легендарные личности («Лао Цзы», «Пифагор», «Гермес Трисмегист»);

2) названия мифологических существ мёртвых религий и цивилизаций прошлого («кентавр», «русалка», «Зевс» и т. п.);

3) объекты веры действующих религий («Яхве», «архангел», «Эк», «Авалокитешвара»);

4) понятия в модальной логике и теории игр («клад древних монет, найденный А. С. Пушкиным», «победа декабристов в 1825 г.»).

Вера – это не воздержание от знания. Это интуитивное доверие модальности дискурса. Взаимодействие человека и опыта рождает множество языков описания. Обыденный язык описывает жизненный мир, горизонт чувственного опыта и смыслов. Есть ещё языки веры и разные виды знания (позитивистское, метафизическое, феноменологическое). Говоря об оценке эпистемической вероятности, А. Шюц предлагал проводить различие между тематизированной релевантностью (коммуникативно-оперативная сфера здесь и сейчас), интерпретативной релевантностью (схематичная типизация образов, пассивный синтез узнавания), мотивационной релевантностью (проблематизированные возможности и альтернативы), смысловыми горизонтами (потенциальные ситуационно-биографические тематизации, общие для жизненного мира) и непроблематизированным сектором (теория пробелов, апоретика вероятностей и сокрытости) [8, с. 259–365]. Особенность жизненного мира в том, что его система релевантностей может быть устранена от знаний процессов и вещей. Мы можем пользоваться вещью и не знать, как она устроена. У Хайдеггера это описывается как озабоченность и подручность. В процессе жизнедеятельности мы редко задумываемся, в каком модусе мы взаимодействуем с объектами, важна роль философии – распутать эту множественную структуру жизненных смыслов, установок и модальностей.

Участие множества агентов, модальность высказываний, диалогичность, открытость обменов, интерактивный характер решений, вероятностные прогнозы, неопределённость будущего убеждают меня выбрать социокультурную феноменологию как адекватную теорию расшифровки и репрезентации онтогно-

сеологического мира знаний, представлений и мнений.

Таким образом, категория «пустые понятия» является рабочей, условной и не отражает всей сложности феноменологических

связей между сознанием, обществом и миром. Для прояснения содержания пустых понятий необходимо обращаться к философии, что не всегда возможно в курсе формальной логики.

Список литературы

1. Абрамова Н. Т. Традиции: линии конституирования общезначимого опыта // Философия науки. 2009. Вып. 14. С. 184–188.
2. Вайда Д. М. Феноменология и литературоведение // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественное произведение и личность. М.: Наука, 1975. С. 5–10.
3. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1991. № 1. С. 12–21.
4. Рикёр П. Прививка герменевтики к феноменологии // Конфликт интерпретаций. М.: Акад. проект, 2008. С. 40–49.
5. Тимошук Е. А. Интенциональность и конкретизация как формы упорядочивания мира в феноменологии Р. Ингардена // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира: материалы Всерос. науч. конф. (21–22 окт. 2008 г.). Великий Новгород: НовГУ, 2008. С. 334–337.
6. Тимошук Е. А. Природа социокультурных объектов в философии Романа Ингардена // Неклассическое общество: векторы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир: ВЮИ, 2008. С. 98–100.
7. Тимошук Е. А. Феноменология культуры Р. Ингардена // Проблемы культуры в российской и польской научной мысли: материалы междунар. конф. (21–23 мая 2012 г.). СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2012. С. 70–73.
8. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
9. Analytic Philosophy and Phenomenology / ed. by H. A. Durfee. The Hague: Nijhoff, 1976. 277 p.
10. Ingarden R. Man and Value. Washington: D. C., 1984. 184 p.
11. Ingarden R. Time and Modes of Being. Illinois: Springfield, 1964. 395 p.
12. Lewis D. K. On the Plurality of Worlds. Hoboken: New Jersey: Blackwell Publishing, 2001. 286 p.
13. Simons P. M. Strata in Ingarden's ontology // Kunst und Ontologie: Für Roman Ingarden zum 100: Geburtstag / ed. by W. Galewicz, E. Ströker, and W. Strózewski. Amsterdam: Rodopi, 1994. Pp. 119–140.
14. Smith B., Seifert J. The Truth about Fiction // Kunst und Ontologie. Für Roman Ingarden zum 100. Geburtstag / ed. by W. Galewicz, E. Ströker, W. Strózewski. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1994. Pp. 97–118.
15. Swiderski E. M. Ingarden's "Material-Value" Conception of Socio-Cultural Reality // The Phenomenological Approach to Social Reality. Studies in the Philosophy of Sociality / A. Salice, H. Schmid. 2016. Vol. 6. Springer. Pp. 259–278.
16. Thomasson A. L. Ingarden and the Ontology of Cultural Objects // Existence, Culture, and Persons: The Ontology of Roman Ingarden / A. Chrudzimski (ed.). Frankfurt: Ontos Verlag, 2005. Pp. 115–136.

Статья поступила в редакцию 14.01.2019; принята к публикации 17.02.2019

Сведения об авторе

Тимошук Елена Андреевна, кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России; 600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59; e-mail: e@timos.elcom.ru; ORCID: 0000-0002-4525-8174.

Библиографическое описание статьи

Тимошук Е. А. Феноменологическая модель познания // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 115–124. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-115-124.

References

1. Abramova, N. T. Traditions: lines of constitution of generally significant experience. Philosophy of Science, no. 14, pp. 184–188, 2009. (In Rus.)
2. Vaida D. M. Phenomenology and literary studies. Theories, schools, concepts. Artwork and personality. M: Nauka, 1975: 5–10. (In Rus.)
3. Husserl, E. Phenomenology. Logos, pp. 12–21, no. 1, 1991. (In Rus.)
4. Ricoeur, P. Grafting hermeneutics to phenomenology. Conflict of interpretations. M: Academic project, 2008: 40–49. (In Rus.)
5. Timoschuk, E. A. Intentionality and concretization as a form of ordering the world in R. Ingarden's phenomenology. Perishable and Eternal: social rituals in the mythologized space of the modern world. Proceedings All-Russian scientific Conference. Veliky Novgorod: NovSU, 2008: 334–337. (In Rus.)
6. Timoschuk, E. A. The nature of socio-cultural objects in the philosophy of Roman Ingarden. Non-classical society: vectors of development. Proceedings of All-Russian scientific-practical conference. Vladimir: VUI, 2008: 98–100. (In Rus.)

7. Timoschuk, E. A. Phenomenology of culture of R. Ingarden. Problems of culture in Russian and Polish scientific thought. Proceedings of the international conference. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2012: 70–73. (In Rus.)
8. Schütz, A. World, glowing with sense. M: ROSSPEHN, 2004. (In Rus.).
9. Analytic Philosophy and Phenomenology. Edited by Durfee H. A. The Hague: Nijhoff, 1976. (In Engl.)
10. Ingarden, R. Man and Value. Washington, D. C., 1984. (In Engl.)
11. Ingarden, R. Time and Modes of Being. Illinois: Springfield, 1964. (In Engl.)
12. Lewis, D. K. On the Plurality of Worlds. Hoboken, New Jersey: Blackwell Publishing, 2001. (In Engl.)
13. Simons, P. M. Strata in Ingarden's ontology. Kunst und Ontologie: Für Roman Ingarden zum 100: Geburtstag. Ed. by Galewicz, W., Ströker, E., and Strózewski, W. Amsterdam. Rodopi, 1994: 119–140. (In Engl.)
14. Smith, B., Seifert, J. The Truth about Fiction. Kunst und Ontologie. Für Roman Ingarden zum 100. Geburtstag. Ed. by Galewicz, W., Ströker, E., Strózewski, W. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1994: 97–118. (In Engl.)
15. Swiderski, E. M. Ingarden's "Material-Value" Conception of Socio-Cultural Reality. The Phenomenological Approach to Social Reality. Studies in the Philosophy of Sociality. Vol. 6. Springer, Cham, 2016: 259–278. (In Engl.)
16. Thomasson, A. L. Ingarden and the Ontology of Cultural Objects. Existence, Culture, and Persons: The Ontology of Roman Ingarden. Frankfurt: Ontos Verlag, 2005: 115–136. (In Engl.)

Received: January 14, 2019; accepted for publication February 17, 2019

Information about author

Timoschuk, Elena A., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia; 59 Gorkogo st, Vladimir, 600017, Russia; e-mail: e@timos.elcom.ru; ORCID: 0000-0002-4525-8174.

Reference to the article

Timoschuk E. A. Phenomenological Model of Cognition // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4. PP. 115–124. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-115-124.